

К 30-летию ВолГУ

Цитаты, которые всегда актуальны

И.Г. Коваленко: тогда и сейчас

Досье «Форума»

Коваленко Илья Геннадьевич. Окончил с отличием ВолГУ в 1985 г., д.ф.-м.н., профессор. Научные интересы: астрофизика, гидродинамика, вычислительная физика, экология.

Продолжаем листать первую газету ВолГУ «Волгоградский университет». И видим знакомые лица. Только сегодня это доктор и кандидаты наук, профессора и доценты... Но так интересно, о чем они думали тогда, в восьмидесятых, в девяностых... Итак, «Волгоградский университет». №15 – 16, 6 сентября 1990 года, 3 страница. Автор интервью – Лариса Бутримова. Читаем...

«Илья КОВАЛЕНКО, выпускник физического факультета 1985 года, ассистент кафедры теории физики и волновых процессов. В декабре 1989 года защитил кандидатскую диссертацию на звание кандидата физико-математических наук «Взаимодействие ансамбля сверхновых с межзвездной средой» в Институте астрофизики и физики атмосферы (г. Тарту), научный руководитель Ильи Геннадиевича – профессор

А.Г. Морозов.

– Илья, мы уже писали в нашей газете о твоих сегодняшних успехах в науке и твоём специфическом к ней отношении (как к хобби). А что было с тобой десять лет назад?

– Десять лет назад большая группа выпускников волгоградских школ 1977 – 1980 гг. стала первым студенческим коллективом ВолГУ, в числе которых был и я. Судьба «первопроходцев» будет преследовать нас все пять лет учебы, а некоторых, в том числе и меня, все десять последующих лет. Помню, что начало учебного года мы встречали всего с двумя университетскими преподавателями-физиками – В. К. Михайловым, принимавшим вступительные экзамены, и А. Г. Морозовым. После первого экзамена в ВолГУ была сформирована группа медалистов, в числе которых был опять же я. И наш «золотой» отряд сразу бросили на создание материальных ценностей (что стало потом университетской традицией). У физиков это были плакаты, приборы, оборудование, которые существуют и по сей день. А летом 1981 года собрался первый строительный отряд, перед которым ректор сказал речь, большие чины вдохновили бойцов на трудовой героизм по закладке фундамента общежития, в траншею лег первый кирпич. А потом мы еще что-то сажали, копали... И во многом, что мы делали на протяжении пяти лет учебы, был приятный привкус иррационализма: не всегда понятно зачем, зато интересно.

– А как обстояли дела с ценностями духовными?

– Мы все очень дружили между собой, чему свидетельство – первые «смешанные» браки: Сергеев (историк) и Березкина (физик), Ломов (историк) и Пискарева (физик). Во-

обще, это было время парадоксов. С одной стороны – потрясающе теплые отношения с преподавателями и друг с другом, так называемая «демократия по горизонтали»; с другой стороны – очень жесткая, зажата атмосфера по вертикали (администрация, партбюро, комсомол), характерная для того времени, которая вызвала противодействие. Осень 1981 года сотрясла бурные комсомольские собрания с участием представителей обкома ВЛКСМ. И тем не менее, при всех «за» и «против» тогдашний комитет комсомола представлял собой некий очаг деятельности и всякого рода начинаний. Но если «снизу» была ключом инициатива, шло брожение умов, то «сверху» зачастую насаждался официоз в виде коллективного прослушивания открытия XXVI съезда КПСС или митинга против милитаризма. Самыми яркими сборищами были, пожалуй, Дни физика 1984 и 1986 годов. И весь настрой последних двух лет учебы был довольно приятный: относительная свобода, общение и налет легкой веселости.

– А как ты оцениваешь полученное в нашем университете образование?

– Дело в том, что в таких солидных вузах, как МГУ и МФТИ, учебная и научная нагрузка настолько велики, что не позволяют иметь достаточно свободного времени для усвоения и переработки полученной информации. Студенты как-то перегорают, теряют интерес. С нами этого не произошло, мы имели время на индивидуальное развитие и общение. Но, с другой стороны, мы не приучены к такой работоспособности, к тому же наше образование ориентировано лишь на определенное направление в физике, поэтому с точки зрения широты образования, общего развития, мы, конечно, уступаем выпускникам этих вузов. У нашего университета большой потенциал, но ему, видимо, понадобится еще лет 10-15, чтобы вырасти до научного и образовательного центра региона.

– Что, на твой взгляд, интереснее: учиться в ВолГУ или работать?

– Раньше мне интереснее было учиться, а сейчас – работать. Но мне кажется, что раньше учиться было намного интереснее.

– Илья, я знаю, что ты имел какое-то отношение к зарождению в университете неформальной прессы?

– Да, я был членом редколлегии газеты физического факультета. Это одна из юмористических страниц моей биографии, о которой всегда приятно вспомнить. И то, что тогда мне казалось почти трагичным, сегодня вызывает улыбку...

Илья выкатил из дальнего угла кафедры несколько разукрашенных рулонов ватмана, которые в развернутом виде заняли все окружающее пространство. На одном из них – название «МОМЕНТ (апериодический выпуск)». Как я поняла из рассказа Ильи, история с прессой началась в университете не просто. К тому же соседство ВолГУ с Лысой горой и психиатрической больницей № 17 неизбежно будило фантазию наших студентов, вызывая двусмысленные аналогии и литературные сравнения. Это также неизбежно вызвало гнев руководства и обвинения авторов подобных опусов в безвкусице, пошлости, аполитичности и даже святотатстве. Еще бы ничего только это, но проблема законности-незаконности привлечения на стройку ВолГУ студентов и преподавателей плюс ёрнический тон, присущий студенческим корреспондентам вообще, накаляли страсти.

– Первые наши «Моментики» произвели фурор и имели репутацию фиги в кармане. Они провисели довольно непродолжительное время, но авторы безобидной информации о комсомольском собрании, на котором выступил ректор и поднимались вопросы участия студентов в строительстве, могли крупно поплатиться... Как и по поводу статьи, заканчивающейся натуралистической картиной алеющего над семнадцатой больницей заката, было проведено почти криминальное расследование с привлечением специалиста-журналиста с гуманитарной кафедры. После чего и принято было решение о шестидесятидневном запрете на публикации студентов-журналистов, появилась и соответствующая надпись, что газета – «орган...» Это был 1986 год. Номера же, в принципе, были безобидные, но, видимо, еще не в духе времени. Мы ставили своей задачей как-то поднять художественный вкус студентов рассказками Хармса, стихами Мандельштама. Среди материалов были и Нобелевская лекция Эйнштейна, и трагикомические рисунки М. Сапуненко, и специфические шуточки на грани каламбура в свете новых политических вейний – о «тангенциальном ускорении» и «запаздывающем потенциале»...

– А чем сегодня заполнена твоя жизнь?

– Баловство в работе, в науке... Все как-то складывается само собой, и я с интересом наблюдаю, во что же это выльется. А жизнь моя заполнена компьютерами, линейками, часами вот этими, мелкими, студенческими тетрадами и прочим...